

Лу Цяньтан понял, что его собеседник намекает на что-то, и продолжил:

— В последние годы наиболее выгодные должности достаются молодым аристократам, которые полагаются на заслуги своих предков. Что касается экзаменов весной и осенью, то они превратились в формальность. Пару лет назад даже разгорелась литературная инквизиция, и теперь выходцам из простых семей невозможно достичь высокого положения. В Ингао остаётся только наблюдать, как эти бездельники бесчинствуют.

Шань Чилю посмотрел на него некоторое время, а затем внезапно сменил тему:

— Скучаешь по Лянъяню?

Лу Цяньтан вздрогнул и слегка кивнул.

Шань Чилю продолжил:

— Знаешь, как в Лянъяне приручают зверей?

Лу Цяньтан покачал головой:

— Я видел только, как приручают лошадей.

Шань Чилю повертел в руках чашку с чаем и поставил её на место:

— Я говорю о диких зверях — например, о волках. В Лянъяне им вырывают клыки, обрезают когти, лишая их способности выживать, а затем кормят, как собак, приучая к правилам жизни в клетке. Со временем они действительно начинают считать себя собаками.

Лу Цяньтан открыл рот, но не смог произнести ни слова.

Полуденное солнце пробивалось сквозь зелёные шторы, превращаясь в мелкие золотистые блики на полу.

Половина лица Лу Цяньтана была залита ярким светом из окна, а волосы на висках отливали золотом на солнце.

Шань Чилю произнёс:

— Но на самом деле волк без клыков и когтей хуже, чем собака.

— Волк знал степь, знал, как ветер гуляет по просторам, и как он проникает сквозь щели в клетке.

Грудь Лу Цяньтана сильно вздымалась, и только через несколько мгновений он хрипло произнёс:

— Я не такой.

Я не считал себя собакой.

Меня не ослепила роскошь этого мира.

Шань Чилю смотрел на него с горящим взглядом:

— Цяньтан, тебе нужно найти способ вернуться в степь.

Лу Цяньтан даже не помнил, как вернулся в лагерь. Он словно в трансе забрался на крышу, пытаясь через гору Цзиньпин увидеть родной Ляньянь.

Но он увидел лишь бескрайние чёрные крыши и бесчисленные знамёна.

Только ближе к вечеру Чжао Цзин, вернувшись с дежурства, заметил его и спустил с крыши, заставив снять одежду. Внутри бинты были пропитаны кровью.

Чжао Цзин, видя его подавленное состояние, не удержался от вопроса:

— Ты что, кредитора встретил? С таким лицом ходишь.

Лу Цяньтан молчал.

Чжао Цзин промыл рану, нанёс лекарство и продолжил говорить сам с собой:

— Не надо так грустить. Молодёжь должна быть молодёжью.

Глаза Лу Цяньтана, обычно яркие, теперь казались потускневшими, что вызывало жалость. Чжао Цзин достал из кармана бумажный пакет и протянул ему:

— Принёс тебе сладостей. Хочешь?

Лу Цяньтан почувствовал сладкий аромат и увидел, что это был пакет с солодовыми конфетами, которые из-за жары слиплись в один комок.

Лу Цяньтан посмотрел на Чжао Цзина, и в его душе поднялась волна горечи.

Чжао Цзин положил пакет перед ним, собрал свои вещи и направился к выходу:

— Не ешь много, скоро ужин.

Лу Цяньтан взял несколько кусочков рассыпавшихся конфет и положил их в рот. Сладость оказалась горьковатой. Он прожевал пару раз, и вдруг слёзы сами собой покатались по его щекам.

Чжао Цзин, случайно заметив это, засуетился:

— Ты что, плачешь? Неужели так невкусно?

Лу Цяньтан покачал головой, взял ещё один кусочек и сказал:

— Брат Чжао, спасибо тебе.

Чжао Цзин фыркнул:

— Если зовёшь меня братом, то не стесняйся. Сегодня на ужин будет лапша, жди.

Юй Син, видимо, позаботился, и на следующие две недели Лу Цяньтан получил относительно спокойное расписание. Он воспользовался этим, чтобы подлечить раны. Лекарство почти закончилось, но шрамы уже зажили, и боль больше не сковывала его.

В это время дело о принуждении к проституции, в котором был замешан приближённый

наследного принца, вызвало волну возмущения среди жителей Ингао. Слухи о том, что действия приближённого были санкционированы самим наследным принцем, вызвали панику и непрекращающиеся обсуждения.

Чэн Цзяо также был в ярости и лично отвёл тысяцкого в тюрьму. Однако под пытками тот упорно утверждал, что действовал с молчаливого согласия наследного принца, что ещё больше запутало ситуацию. Поскольку дело касалось наследника престола, Министерство юстиции быстро передало его на рассмотрение трём судебным ведомствам.

В ходе дальнейшего расследования дело о принуждении к проституции вывело на новые факты, связанные с мошенничеством на экзаменах. Яо Чжан, который был не только главой Внутреннего кабинета, но и министром чиновничьих назначений, оказался в центре событий. Однако на этом этапе расследование застопорилось, и дело было закрыто.

Тысяцкого конфисковали, и в ходе инвентаризации Министерство финансов обнаружило множество писем с личной печатью семьи Яо, в которых обсуждались новые девушки, поступающие в павильон Циюань. Все эти материалы были тщательно представлены императору.

Император Чжэньюань наказал множество чиновников, причастных к делу, но Яо Чжан отделался лишь выговором и лишением трёхмесячного жалования. На этом всё и закончилось.

Сяо Цинму, узнав о результатах, не удивился. Он сидел в беседке в саду с мэйхуа, курил благовония и рисовал.

Яньчжу стоял рядом и сказал:

— Что бы ни всплыло, старик Яо, вероятно, останется невредим.

Сяо Цинму рисовал зимний пейзаж: заснеженные ступени, усыпанные красными цветами мэйхуа.

Он провёл линию тушью:

— Семья Яо не так просто рушится. Император это понимает, и наследный принц тоже.

Яньчжу понял намёк и больше не стал говорить. Он посмотрел наружу и увидел, как управляющий ведёт доктора Сюй к беседке. Он подошёл и поклонился:

— Ваше Высочество, доктор Сюй прибыл.

Сяо Цинму положил кисть и сказал:

— Пусть осмотрит меня здесь.

Доктор Сюй подошёл, поклонился, управляющий помог поставить медицинский ящик, а Яньчжу убрал только что законченный рисунок, освободив место для осмотра.

Доктор Сюй положил пальцы на запястье Сяо Цинму и некоторое время молча слушал пульс. Затем спросил:

— Ваше Высочество, в последнее время вы, возможно, слишком увлекаетесь холодной пищей?

Яньчжу ответил:

— В последние дни он ел немного охлаждённых фруктов и выпил пару бокалов вина, больше ничего.

Доктор Сюй убрал руку, встал и сказал:

— Старые недуги Вашего Высочества трудно устранить. Избегайте холода. Я заметил, что пульс немного замедлен, вам нужно больше отдыхать и не переутомляться.

Его Высочество князь Цзинь, конечно, не мог переутомляться, но слова доктора означали, что лучше не двигаться лишней раз и беречь себя, как хрупкую фарфоровую статуэтку, чтобы прожить ещё несколько лет.

Сяо Цинму слегка повернул запястье и прямо спросил:

— Значит, мне осталось недолго?

Доктор Сюй вздрогнул и ответил:

— Что за слова, Ваше Высочество? Если вы будете беречь себя и принимать лекарства, старые недуги постепенно исчезнут.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Спасибо, что император так заботится. Каждый месяц вы приходите с осмотром, но результат всегда одинаков. Доложите, что я в порядке, и больше ничего не говорите.

Доктор Сюй быстро согласился, но, выйдя, доложил всё как есть.

Лу Цяньтан следующие две недели провёл, патрулируя кварталы Цзяочжу и Шаньи, запоминая каждую улицу и каждый дом.

В Цзяочжу было мало людей, и патрулирование там было формальностью, а в Шаньи жили высокопоставленные чиновники, и ему приходилось уступать дорогу их экипажам. Со временем Лу Цяньтан запомнил, какая карета кому принадлежит.

Наступил июль, и через десять дней должен был быть день рождения наследного принца. По традиции, помимо столичной гвардии, из Западного столичного лагеря выделяли группу солдат для патрулирования во время празднования. На словах это звучало как важная задача, но на деле они просто сторожили ворота Восточного дворца, не имея возможности отдохнуть или получить какую-либо выгоду. Такая работа никому не нравилась.

Столичная гвардия патрулировала внутри дворца, а солдаты Западного лагеря стояли у ворот, проверяли список подарков и следили за маленькими входами, как привратники. В их глазах это была работа, недостойная солдат.

Начальство перекладывало эту обязанность на подчинённых, и в итоге она часто доставалась младшим офицерам. На этот раз Лу Цяньтан не стал отказываться, так как давно хотел увидеть, как выглядит Восточный дворец.

В день рождения наследного принца Лу Цяньтан был назначен охранять юго-восточные ворота. Гости входили через главный вход, и только те, кто уходил раньше, использовали эти ворота. Но поскольку это был день рождения наследного принца, почти никто не уходил раньше времени, и ворота оставались пустыми.

Празднование продолжалось с вечера до глубокой ночи, музыка не прекращалась, свечи горели, и барабаны отбивали время. Луна поднялась высоко в небо.

Перед полночью чёрные тучи закрыли луну, и поднялся холодный ветер. Вскоре начался дождь. Летние грозы всегда наступали быстро, и вскоре Лу Цяньтан и его напарник промокли до нитки.

<http://bllate.org/book/16145/1445694>